

Матьяна  
Алюшина

Читайте романы  
Татьяны Алюшиной

Крымский роман  
Влюбиться в жертву  
Любовь со вкусом вишни  
Девушка из нежной стали  
Далекий мой, единственный  
Девочка моя, или Одна кровь на двоих  
Две половинки  
Девушка с проблемами  
Запутанные отношения  
Свидание вслепую  
Красота по-русски  
Девушка-праздник  
Дом, где исполняются мечты  
Беглая невеста  
С молитвой о тебе  
Любовь без права на ошибку  
Мой слишком близкий друг  
Два шага до любви  
Двое на краю света  
Все лики любви  
В огне аргентинского танго  
Чудо купальской ночи  
Больше, чем страсть  
Моя нечаянная радость  
Тот, кто назначен судьбой  
Неправильная невеста  
Утоли мои печали  
Счастье любит тишину  
Коллекция бывших мужей  
Белоснежный роман  
Сердце просит счастья  
Руки моей не отпускай  
Формула моей любви  
Будьте моей семьей  
Созданы друг для друга  
Актриса на главную роль  
Озерные страсти  
Вальс до востребования  
Судьба непринятой пройдет  
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни  
Вынужденное знакомство  
Жизнь на общем языке

Татьяна  
Алюшина

Жизнь  
на общем языке

Роман



МОСКВА  
2023

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
А59

*Дизайн обложки Н. Каштыкиной*

*Редактор серии В. Горюнова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:  
© Anastasiia Malinich, YueStock, Igor Sirbu, Vladyslav Kucheruk,  
Andrekart Photography, Natasha Breen / Shutterstock.com  
Используется по лицензии от Shutterstock.com

**Алюшина, Татьяна Александровна.**

А59 Жизнь на общем языке: роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-180549-4

Они познакомились в детстве — и встретились снова лишь через много лет. Вспыхнувшее чувство оказалось настолько невероятным, что кажется чудом и Клавдии, и Матвею. Кажется бы, препятствий для их любви нет. Зато есть сложные жизненные ситуации, несовпадающие графики работы, ответственность за близких... И страшный пророческий сон, приснившийся Клавдии. Поверит ли Матвей в ее предвидение? Сможет ли понять и принять ее проблемы? Но ведь если люди действительно любят друг друга, они справятся с любыми невзгодами и разрушат все преграды на пути друг к другу.

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180549-4

© Алюшина Т., 2023  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2023

— Ну, тогда пока, — старательно выдерживая нейтральную интонацию, произнес он и махнул скупым, коротким жестом, словно отсекая все невидимые нити, связывавшие их до этого момента, повернулся и зашагал вперед, быстро удаляясь по дороге.

У Клары неожиданно, не пойми с чего, вдруг что-то резко, болезненно остро перехватило-защемило в груди, чуть повыше сердца, и сжало-сжало, словно тисками, настолько сильно, что спазмом перекрыло горло, не давая продохнуть. А черная, беспросветная муть-безнадега обожгла разум внезапно открывшимся, как вспышка, озарением, пониманием, что он на самом деле уходит — вот прямо сейчас, совсем, навсегда, окончательно и безвозвратно уходит в...

— Подожди! — окликнула она его, царапая, продирая с болью криком перехватившее судорогой горло...

Он не остановился, будто не услышал ее вовсе, продолжая довольно быстро и столь же неотвратимо удаляться от нее все дальше и дальше, постепенно растворяясь в плотном тумане, больше похожем на непонятную, какую-то странную субстанцию, дымку, как-то слишком быстро, буквально в одно мгновение,

выгнанную резким порывом ветра на дорогу из оврага, в котором она до этого момента клубилась-варилась, стелясь по земле в серых утренних сумерках...

— Да подожди ты!!! — громко потребовала Клавдия, закашлялась от сухой боли, оцарапавшей горло, и просипела вдогонку: — Подожди!

Но он снова проигнорировал ее призыв, а может, действительно просто не слышал или не обратил внимания на ее хриплые окрики и все шел и шел, не меняя ритма и скорости движения, неотвратно уходя от нее.

И Клава рванула вперед, туда, за ним — догнать, остановить, попытаться что-то объяснить-доказать, спросить, да просто поговорить нормально...

Но, странное дело, внезапно оказалось, что, пока она то рефлексировала и раздражалась на него, то орала-сипела, стоя у края оврага на обочине, он уже успел довольно далеко отойти. Может, поэтому и не слышал, что она его зовет?

Клава прибавила ходу, не упуская из виду в странном, все сгущавшемся плотном тумане его спину с каким-то рисунком на куртке, в которую он был одет: не то наездник на коне, не то кентавр какой, не то лось, что ли... непонятно.

— Подожди! — снова окрикнула она, уже ожидаемо причиняя своему горлу болевые, дерущие ощущения.

Но и на этот ее зов он не обернулся, ровно и целеустремленно продолжая шагать по дороге.

И тут Клавдия разозлилась! Просто ужасно, прямо так... ух! — как сильно разозлилась! Вот так бы и тукнула его по башке упертой и по этой его прямо излучавшей отстраненность и свою нестигаемую правоту

спине с непонятным лосем-кентавром на куртке. Уходит он, понимаешь! Решил, сказал — и пошел! Нет уж, он ее выслушает...

И она прибавила скорости, почти побежав, одновременно с рывком внезапно осознав, почувствовав, что опция «бежать» дается ей с большим трудом: по какой-то непонятной причине ноги совершенно отказались подчиняться приказам головы, и Клавдии потребовалось прилагать определенные усилия, чтобы заставить конечности передвигаться, а быстрое передвижение вызвало у нее прямо-таки болезненные ощущения во всем теле.

Это что за хрень?! С чего бы вдруг такая немощь навалила? Не иначе как от нервов — бабушка Софья уверяет, что все болячки и глупости у людей случаются исключительно от нервов и стресса. Вот, наверное, и у нее от этих самых нервов в паре со стрессом тело решило побастовать.

Ага, да сейчас, посопротивляйся мне тут — или она не спортсменка в душе?! Она тоже умеет упираться и вредничать, еще как умеет, тебе и не снилось! «Так что нефиг мне тут изображать уставшую олимпийскую чемпионку после финиша!» — прикрикнула Клава мысленно на свои ноги и, разозлившись на себя, на него, на идиотскую какую-то ситуацию в целом, преодолевая сопротивление организма, наддала-прибавила усилий, припустив еще быстрее.

И сразу заметно начала приближаться к двигавшемуся впереди мужчине.

— Стой! — окликнула она в очередной раз, громко прохрипела севшим-сипевшим, окончательно разболевшимся горлом.

А он услышал. В этот раз наконец услышал ее, остановился, резко развернулся и очень удивился, обнаружив догонявшую его зачем-то девушку и поспешил навстречу.

— Ты чего? — с очевидным беспокойством спросил он, подходя вплотную.

Клавдия — у которой все тело мелко дрожало от затраченных усилий и напряжения, которые пришлось приложить к истязанию себя бегом, — наконец остановившись, продленно, с огромным облегчением выдохнула, еле удержавшись, чтоб не согнуться пополам, упереться руками в коленки и форсированно подышать, приходя в норму, словно не пару десятков метров пробежала трусцой, а как минимум километров пять преодолела в состязаниях на скорость и выносливость.

— Ты зачем за мной? — спросил он озабоченным тоном и произнес что-то непонятное: — Тебе нельзя сюда, — с поразившей Клаву неподдельной заботой и искренним переживанием за нее.

Явно за нее, она это отчетливо почувствовала. Как же это так — он о ней беспокоится и все-таки уходит? Что за ерунда?

— Простынешь, — ошаршил он Клаву следующим заявлением и вдруг поправил платок на ее шее, выбившийся из-под ворота курточки во время бега, а сам воротник запахнул посильней.

— Ты почему так резко ушел? — спросила Клава.

— Ну, почему... — произнес он и, осторожно, медленно притянув ее к себе за борта воротника, которые так и не отпустил, заглянул в глаза совсем близко. —

Ты же отказалась. Мы же выяснили, что тебе ничего этого не надо.

Отпустил и, заботливо запахнув еще плотней воротник ее курточки, отступил на шаг и указал жестом себе за спину:

— Мне надо идти, вон машина уже ждет.

Привстав на цыпочки, Клава посмотрела через его плечо туда, куда он указал рукой, где в ставшем за эти несколько мгновений еще более плотным тумане угадывался силуэт машины типа «буханки», кажется, так их называют, или «Газели» (бог знает, она в таких марках не разбирается) — что-то малое грузовое, похожее на банковские автомобили.

И ей вдруг привиделось-почудилось, что оттуда, со стороны этой самой машины, дохнуло на нее чем-то страшным, темным, потусторонним...

Непроизвольно отшатнувшись и зябко передернув плечами, Клава тряхнула головой, сбрасывая с себя непонятные ощущения, отделяваясь от всякой глупой, пугающей ерунды, лезущей в голову.

— Ничего мы не выяснили и даже не начинали выяснять, — возразила она строптиво, — я просто сказала о своих сомнениях, а ты...

— А если есть сомнения, Клав, то уже ничего и нет, и не может быть, — улыбнулся он уставшей, печально-мудрой улыбкой, отступил еще на шаг и, будто извиняясь, но твердо и окончательно, оповестил: — Я пойду, мне пора. Прощай. Все у тебя хорошо будет.

Развернулся и продолжил свой путь — туда, к ожидавшей его машине.

А Клавдия... у нее остановилось сердце, и, заполняя предательской тьмой и холодом мозг, сознание про-

стрелило абсолютным, гибельным пониманием: вот он сейчас уйдет и больше этого человека не будет — совсем не будет! Окончательно и навсегда!

Ни для нее, ни для чего на свете его уже не будет! Как только он дойдет до машины — закончится все!

Она дернулась следом за ним всем телом, но не могла сдвинуться с места, открыла рот в отчаянной попытке прокричать, позвать — остановить, вернуть, объяснить что-то, самой ей до конца непонятное...

И как ни напрягалась, как ни старалась изо всех последних, отчаянных сил, но только открывала рот, раздирая его в беззвучном крике, ужасаясь невозможности выдавить из себя хоть какой-нибудь звук...

...а он все уходил, уходил, растворяясь в окончательно запыленном мир сером, уплотнившимся до состояния киселя тумане, в котором таяло и исчезало все вокруг...

Клавдии стало страшно! Так дико, так животновжужко страшно, что заглодело все внутри, словно оборвалась, остановилась жизнь... Она еще была способна думать, чувствовать, понимать и испытывать-переживать ужас и панику, а жизнь все — остановилась!

И в этом последнем, растянувшимся мгновении ужаса и почти уже небытия она вдруг так четко и ясно осознала... что совершенно не знает, понятия не имеет, кто этот мужчина. Она не смогла бы узнать его голос, поскольку тот звучал приглушенным шепотом, словно доносился через вату. Она не представляет, как выглядит этот человек: его лицо было стерто, укрыто, как плотной вуалью, тем самым странным туманом, в котором он растворился, уходя, окончательно и бесповоротно...

Навсегда.

— Нет!!! — проорала Клава. — Не-е-ет... — просипела утробно, с надрывом и резко села на кровати, обхватив измученное горло ладонью, рефлекторно пытаясь удержать, уменьшить боль.

Судорожно втянула-вдохнула в себя воздух, с наслаждением и невероятным облегчением осознавая, что снова может свободно дышать, и двигаться, и даже разговаривать...

Распахнув глаза, Клавдия осмотрелась, не сразу сообразив, где находится, в каком состоянии и что с ней вообще происходит: она все еще была там, в неприятном, плотном тумане, ей просто стало легче, прошел какой-то неожиданный приступ или?..

Дома!!! Боже мой, она дома! Какое счастье! Никакого тумана, никакого сковывающего ужасом приступа, парализовавшего сердце и дыхание, и никакого уходящего в небытие незнакомца — все это было сном, просто сном, только ночным бредом.

Господи, какое счастье!

А напугавший ее страшный ночной кошмар медленно разжимал тиски своих холодных, влажных черных лап, в которых все еще держал свою жертву, вынужденно ослабляя захват и неохотно отпуская, подчиняясь силе яви, неумолимо уничтожающей всякую ночную нечисть.

— О господи... — произнесла, выдохнув с невероятным облегчением, Клавдия, полностью возвращаясь в реальность.

Закрыла глаза и потерла лоб, ощутив на пальцах легкую холодную испарину. Кошмар стремительно отступал, унося с собой в черноту ночи, ставшей уже вчерашней, бурю пережитых чувств и эмоций, и на-

столько сильно напугавшую ее убийственную беспомощность перед обстоятельствами, и ощущение животного страха и безысходности...

— Приснится же *такое!* — посетовала-пожаловалась Клава, обессиленно откинувшись назад на подушку.

Глубоко, на всю полноту легких вдохнула и медленно, длинно выдохнула, окончательно освобождаясь от пережитых страхов и беспомощности.

Еще раз: долгий, затяжной, вдумчивый глубокий вдох — задержать дыхание — и такой же длинный выдох. И еще раз. И еще пять раз.

Полежала, расслабляясь и чувствуя легкое головокружение от интенсивной дыхательной процедуры, повернулась, посмотрела на электронные часы-будильник, стоящие на тумбочке, отстраненно-холодно оповестившие, что в данный момент сутки находятся на отметке пяти часов пятидесяти минут утра.

— Вот же, печки ваши лавочки! Ну какого, спрашивается... — ругнулась в сердцах Клава.

Нет, ну что за засада-то, а! Понятно, что теперь она уже точно не уснет, а вставать в шесть утра, когда у тебя половина дня свободна и именно сегодня можно было бы наконец-то расслабиться в удовольствие и вполне себе законно поспать от души да вдоволь, что и наметила она себе вчера, и предвкушала, укладываясь спать... Нет, воистину: хочешь Кое-Кого Серьезного насмешить, расскажи о своих планах...

Нет, ну елки же метель, как говаривал дед Коля в моменты сильного душевного негодования, прибавляя шепотом вдогонку взрослых словесных натюрмортов, «которые всякой мелочи слушать не положено».

Мелочью была она, Клавдия, и взрослых дедушкиных матерных «натюрмортов» честно старалась не слушать, поскольку дала тому слово-обещание этого не делать. Впрочем, при внучке дед Коля свое красноречие праведное придерживал, и развесистых ругательств, при которых следовало бы немедленно закрывать уши, Клавочка от него никогда не слышала, а потому уши и не закрывала: дедушка ругался совсем тихо, сквозь зубы, на уровне бу-бу-бу, не пойми-разбери какого. Это он так, предупреждал на всякий случай, причем по большей части самого себя.

«Чего это я взялась деда Колю вспоминать?» — подивилась Клавдия. Никак бредовым сном наваяло. Подумала и тут же передернула плечами, почувствовав, как от одного лишь коротенького упоминания липкая лапка кошмара, вынырнув из ночного небытия, коснулась ее волос, напоминая о себе.

Да ну на хрен! Разозлилась на себя и на этот дурацкий, перепугавший ее, ненормальный какой-то сон, решительно откинула одеяло и подскочила с кровати. Срочно в душ и смыть с себя всю эту фигню ночную!

И кофе. Стоя под струями горячего душа, представляла она себе чашку с любимым бодрящим напитком уже куда как веселее, чем пару минут назад. «Много горячего, крепкого кофе, непременно со сливками и какой-нибудь вкусняхой!» — совсем и окончательно взбодрилась Клавдия. Сегодня, после такого-то стресса и «нервов», она разрешает себе любые вкусняхи, вплоть до запрещенного куска торттика-медовика. Ум-м-м, обожаю!

Точно: сядет в свое кресло у окна в кухне, медленно, с удовольствием смакуя каждый глоток, будет тянуть

горячий кофе из любимой большой кружки и поглядывать за окно во двор на спешащих на работу людей, а осознание того, что ей-то как раз никуда сейчас спешить и торопиться не требуется, только усилит наслаждение моментом!

И главным, определяющим ее сегодняшний кайф словом станет именно это: «*Не торопясь!*»! Боже, как давно она не могла позволить себе плавной, тягучей, ленивой неспешности и неторопливого, вдумчивого смакования утреннего кофе. Ради такого можно и кошмар потерпеть, который поднял в такую рань.

«О нет, нет!» — тут же открестилась от этой мысли Клава, зябко передернув плечами только лишь от одного коротенького намека на воспоминание о ночном мучении. На фиг, на фиг такие поводы к раннему просыпанию — тьфу на них, тьфу и тьфу! Лучше уж будильник завести, пусть звонит-будит, зараза.

Подумала мгновение и решила, что и на будильник лучше тоже тьфу, попьет она свой кофе и в привычном торопливом темпе, обжигаясь, то и дело напряженно посматривая на часы, что-то мыча-отвечая на ходу и бегом, с полным ртом (к недовольному ворчанию бабули), чем вставать в такую рань по любому поводу — хоть банальному и привычному, хоть тем паче такому неприятному, как случился нынче.

Клавдия любила поспать и была классической «совой», только вспоминать о своей принадлежности к данному отряду пернато-спящих и дрыхнуть в «сладость-радость, до помятой щечки», как говаривал тот же дед Коля, ей удавалось нечасто, всего пару раз в месяц да во время отпуска — вот такие «печки ее лавочки».

«Ее лавочки» в данном случае — это уклад Клавдиной жизни.

Выбравшись из душа и вытершись насухо, пару мгновений поколебавшись в раздумьях, решила Клавдия Юрьевна устроить сегодня себе максимально доступный пофигизм, в список которого первым пунктом вошло игнорирование всех привычных косметических процедур, обязательным порядком следовавших после принятия водных процедур (за исключением, понятное дело, чистки зубов и самых необходимых кремов). Ну вот на фиг — честное слово! Такая это канитель постоянная, что иногда не грех и забить!

— Что-то тебя, матушка, вразнос понесло, — усмехнулась она своему отражению в зеркале, — тортик наметила, кремы-процедуры, фен-прически отменила. Бунтуешь?

Ну, не то чтобы прямо вот так бунтует. Настоящее «фи» привычной размеренной жизни и серьезная эмоциональная встряска, изредка разрывавшие обыденность жизни Клавдии, протекали у нее несколько иначе. А нынче утром это так — не фейерверк, а скорее безобидная хлопушка-петарда. Ибо... есть у нее на сегодня дела важные и серьезные обязательства, так что толком и не взбрыкнешь.

Но тортик — это все-таки какая-никакая, но петарда, пусть и маленькая, но все же. Тем более большой кусок торта... и, пожалуй, немного мангового суфле к нему — чем не бунт? Настоящий такой, честный! И ладно, и можно, просто сделает парочку дополнительных асан йоги во время своего часового занятия.

И чтобы окончательно не «пойти вразнос» (как называет изредка нападавшее на внучку такое вот ре-